

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94(3)

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-596-619>

Аккадское выражение *ubānum ištēt* ‘один палец’: проблемы изучения

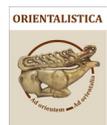
Борис Евгеньевич Александров

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
boris_alexandrov@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0001-7295-0628>*

Аннотация. Аккадское выражение *ubānum ištēt* ‘один палец’ засвидетельствовано в старовавилонских эпистолярных источниках XVIII в. до н. э. как аллегорическое описание тесного союза между правителями. В литературе были выдвинуты две основные гипотезы, объясняющие его происхождение. Согласно первой гипотезе, в основе аллегории ‘один палец’ лежал символический жест, совершавшийся царями во время процедуры заключения союза. Этот жест состоял в соединении больших или указательных пальцев. Вторая гипотеза предполагает, что оборот ‘один палец’ отсылал к явлению синдактилии: врожденному пороку, при котором происходит сращивание пальцев. Сросшиеся пальцы могли послужить в воображении древних символом неразрывного союза. Автор обеих гипотез У. Моран отдавал предпочтение первой из них. Позднее в ее пользу высказались и другие специалисты. Так, в 2019 г. Д. Шарпен сопоставил аккадское выражение с описанием заключения союза азиатскими правителями I в. н. э. в «Анналах» Тацита. Согласно римскому историку, церемония предполагала связывание правых больших пальцев будущих союзников. Вместе с тем ни одна из указанных гипотез не получила подтверждения данными письменных или иконографических источников II тыс. до н. э. В статье предлагается рассматривать изображение на стеле из Угарита RS 7.116 как иллюстрацию жеста, о котором писал в свое время У. Моран. Стела датируется XIV в. до н. э., и на ней, согласно одной из интерпретаций, запечатлена сцена заключения союза: два стоящих друг напротив друга правителя соприкасаются пальцами согнутых в локте рук, локти опираются на таблички с договором, которые лежат на высоком столике, стоящем между правителями. Если старовавилонские и угаритские источники действительно отсылают к одному и тому же жесту, то на его примере можно говорить о континуитете символических и правовых практик в Сирии и Месопотамии II тыс. до н. э.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: древний Ближний Восток; дипломатия; символические жесты; аккадский язык; идиоматические выражения

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00386 А «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ»).

Для цитирования: Александров Б. Е. Аккадское выражение *ubānum ištēt* ‘один палец’: проблемы изучения. *Ориенталистика*. 2021;4(3):596–619. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-596-619>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-596-619>

Problems in studying of Akkadian expression *ubānum ištēt* ‘one finger’

Boris E. Alexandrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,

boris_alexandrov@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0001-7295-0628>

Abstract. The Akkadian expression *ubānum ištēt* ‘one finger’ is found in the Old Babylonian letters of the 18th century BCE, where it is used as an allegoric description of a close alliance between rulers. In the Assyriological literature, there are two possible explanations of the origin of this expression. According to the first one, the allegory of ‘one finger’ was based on a symbolic gesture performed by the kings while concluding a treaty. This gesture consisted of joining or locking thumbs or index fingers. The second explanation suggested that the expression ‘one finger’ referred to a phenomenon of syndactyly, i.e. an inborn defect of fusing of two or more fingers. The imagination of ancient Mesopotamians could turn such fused fingers into the symbol of alliance. W. L. Moran, whom these explanations belong to, considered the first one to be the clearest. Other scholars also accepted this explanation. Thus, in 2019 D. Charpin compared the Akkadian expression with a scene of concluding alliance between two Asian rulers of the 1st century AD, as described in the “Annals” of Tacitus. According to the Roman historian, the ceremony included binding the right thumbs of the two rulers. However, no direct proofs from written or iconographic sources from the 2nd millennium BCE were found, which support any of these explanations. The present article suggests considering as an iconographic proof of the first explanation the Ugarit stele, RS 7.116. This stele dates back to the 14th century BCE and likely preserves an iconographic source for concluding an alliance. The two rulers are standing in front of each other with a high table placed between them. On this table are sitting two tablets representing a treaty between the two parties. The rulers lean the elbows of one of their hands against the tablets and join (or are about to join) the fingers of those hands at the height of their heads. If this is so, and the Old Babylonian and Ugarit sources refer to the same gesture, the stele from Ugarit provides a sufficient ground for speculations about continuity of symbolic and legal practices in Syria and Mesopotamia in the 2nd millennium BCE.

Keywords: Ancient Near East; diplomacy; symbolic gestures; Akkadian language; idiomatic expressions

Acknowledgements: The article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-09-00386 A “Rank and status in the social and legal systems of ancient societies”).

For citation: Alexandrov B. E. Problems in studying of Akkadian expression *ubānum ištēt* ‘one finger’. *Orientalistica*. 2021;4(3):596–619. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-596-619>.

Источники и исторический контекст исследования

В аккадских текстах старовавилонского периода при описании тесного союза между правителями иногда используется идиоматическое выражение *ubānum ištēt* ‘один палец’¹:

(1) (...) *iš-tu a-na-ku, [ù zi-im-ri-]i-i[m] a-na ú-bá⁰-ni-im iš-te-et ni-tu-ru, [ša-ab] ṛa*-tam^{1*}-ri-im ša-hi-iṭ* (ARM II 21: 11–13)

«С тех пор, как я (царь Вавилона Хаммурапи. – Б. А.) и Зимри-Лим (вновь) стали одним пальцем, войско Атамрума совершает набеги»².

(2) *šum-ma an-ni-tam a-tam-rum i-ip-pé-eš, ni-iš dingir-lim a-na-ku ù šu-ú ša li-ib-bi-im ga-am-ri-im, i ni-iz-ku-ur a-na ú-ba-nim iš-te₉-et, ni-ta-ar* (...) (ARM XXVI/2 392: 27–30)

«Если Атамрум сделает это, то пусть мы, я и он, поклянемся без задней мысли клятвой бога и станем одним пальцем».

(3) *a-na mi-nim ú-ba-na-am iš₇-te₉-et a-na ši-ni-šu ta-¹ba¹-ta-aq* (ARM XXVI/2 438: 22’)

«Почему ты разделяешь надвое единый палец?»

(4) (...) *iš-tu pa-na a-na wa-ar-ka a-lum ma-ri^{ki} ù ká-dingir-ra^{ki}, é-tum iš-te-en ù ú-ba-nu-um iš-te-et ša a-na na-áš-tu-qí-im, la i-r[e-e]d-du-ú* (...) (ARM XXVI/2 449: 14–16)

«Город Мари и Вавилон испокон века один дом и один палец, который не может быть разделен».

¹ Цитаты приведены в соответствии со списком аттестаций выражения (см.: [1, p. 259]), дополненным за счет текстов, изданных после 1993 г. Сначала приведены цитаты из текстов из Мари, потом из Шубат-Энлиля. Тексты из Мари даются в алфавитном порядке, по сериям и музейным номерам. См. об исследуемом выражении словарные статьи: [2, p. 6, 3, S. 1333]. Об этимологии аккадского слова *ubānum* ‘палец’ см.: [4, p. 33]. Стоит отметить, что в старовавилонском корпусе также встречается выражение *ahum ištēn u tillatum ištēat* ‘одна рука и одна помощь’, употребленное в контексте обсуждения клятвы, см. письмо RIHANS 131 3: 43–44. К сожалению, соответствующее место на табличке повреждено.

² См. полный перевод текста и комментарий к нему: [5, p. 542–546]. Ср. также перевод и комментарий: [6, p. 46].

(5) *dumu si-ma¹-le-em ù dumu nu-ma-ha-a, a-na ú-ba-nim iš-te-et, ša a-na ša-ta-qí-im la i-re-ed-du-ú, be-el-ni li-te-er* (FM II 117: 12–15)

«Пусть наш господин сделает бинсимъалитов и нумхейцев одним пальцем, который не разделить!»

(6) *é ma-ri^{ki} ù é aš-na-ak-ki-im^{ki}, ú-ba-nu-um iš-te₉-en¹ (...)* (FM VI 6: 10–11)

«Дом Мари и дом Ашнаккума – один палец».

(7) *ha-na-meš ù ma-at i-d[a-ma-ra-aš^{ki}], iš-tu pa-[na] ù wa-ar-ka, ú-ba-nu-um iš-te-et ú li-ib-bu-u[m i]š-[te-e]n, i-na-an-na am-mi-nim at-ta, ú-ba-na-am iš-te-et, a-na še-na ta-pa-ar-ra-ás* (A.2326: 8–13)³

«Ханей и страна Идамарац испокон века один палец и одно сердце. Почему ты сейчас разрезаешь единый палец надвое?»

(8) *ù um-ma šu-ma dumu ia-ku-un-ha-m[u] ù a-na-[ku], ù ia-ku-un-ha-mu ù a-ia-lum, ú-ba-nu-um [i]š-ti-a-at (...)* *iš-[tu šar-ru-ut⁴utu-ší]-^diškur, mi-i[m-ma ú-ba-nu-um ú-ul iš-t]i-a-at* (A.4026: 10–12, 28–29)⁴

«И он (сказал) так: “Я сын Якун-Хамму, а Якун-Хамму и Айялум – это один палец” (...) со времен [царствования Шамши-]Адада ник[оим образом не являются од]ним [пальцем]».

(9) *iš-tu pa-na-a-ma é ká-dingir-ra^{ki}, [ù é] an-nu-ú-um ú-ba-nu-[u]m iš-te-e-e[t], [hi-ṭi-t]um bi-ri-it é ká-dingir-ra^{ki}, [ù é] an-ni-i-im ú-ul i-ba-aš-ši* (M.7412: 8–11)⁵

«Дом Вавилона и этот дом с давних пор один палец, между домом Вавилона и этим домом нет никакой размолвки».

(10) *a-na ša ma-te du-ri-im nu-um-hu-um^{Гki1}, ù ma-at a-pí-im ú-ba-nu-um iš-te-et* (PIHANS 117 37: 6–7)

«Нумхум и страна Апум навеки один палец».

Все процитированные отрывки за исключением последнего происходят из документов, найденных в одном архиве – архиве царя города Мари (совр. Телль-Харири) Зимри-Лима (1775–1762 гг. до н. э.). Эпистолярные архивы Мари содержат, прежде всего, входящую корреспонденцию: письма, которые получал царь Мари от своих провинциальных чиновников, дипломатов, военачальников, вассальных правителей и равных себе царей из разных уголков Ближнего Востока. Такое происхождение эпистолярных источников из Мари означает, что они отражают лексику, которую использовали как в самом городе, так и в других частях царства Мари, а также в сопредельных странах. Это позволяет говорить, что исследуемое в данной статье выражение *ubānum ištēt* является не какой-то локальной особенностью диалекта Мари, а, вероятно, относится к пласту

³ См. издание текста: [7, р. 175], перевод и комментарий: [5, р. 633].

⁴ См. издание текста: [8, р. 49–50, note 51], перевод и комментарий: [6, р. 189–190].

⁵ См.: [9, р. 109–110, note 78; 10, р. 111, note 289].

общеаккадской лексики старовавилонского периода. В этом дополнительно убеждает пример (1): в нем оборот *ubānum ištēt* вложен в уста вавилонского царя Хаммурапи. А пример (10) свидетельствует, что выражение употреблялось в Верхней Месопотамии и через десять-пятнадцать лет после завершения архивов Мари.

Кратко остановимся на историческом контексте писем, в которых употреблено выражение *ubānum ištēt*. Письмо (1) датируется концом 10-го года правления Зимри-Лима (= 1765 г. до н. э.) [2, р. 545]. К этому моменту между Вавилоном и Мари был заключен союз, направленный против Элама, вторгшегося на территорию Месопотамии. Возникшие в результате этого договора дружественные отношения сторон и описываются выражением *ubānum ištēt*. Вместе с тем, как следует из дальнейшего текста письма, определенное недоверие между Хаммурапи и Зимри-Лимом еще оставалось: так, вавилонский царь опасался, что войска, собранные Зимри-Лимом и его союзниками против ставленника эламитов в Эшнунне Атамрума, могут угрожать его интересам [10, р. 221, note 473].

Документ (2) относится к 12-му году Зимри-Лима (= 1763 г. до н. э.). В нем описываются переговоры посланника царя Мари Хабду-Малика с правителем верхнемесопотамской страны Курда Хаммурапи. Цель этих переговоров заключалась в том, чтобы убедить Хаммурапи заключить мир со своим соседом, царем Андарига Атамрумом. Хаммурапи излагает свои условия такого договора и говорит, что после их принятия Атамрумом они оба станут «одним пальцем».

Текст (3) также связан с фигурой Атамрума. Он датируется несколькими месяцами позднее, чем (2) [10, р. 248–249]. Письмо представляет собой отчет мариотского представителя Ясим-Эля в столице Атамрума, куда тот возвратился из Вавилона, сопровождаемый вавилонскими войсками. События происходят в момент охлаждения отношений между Мари и Вавилоном. Атамрум, в прошлом лояльно относившийся к Мари, теперь вынужден предпринимать недружественные шаги. Так, возвращаясь из Вавилона в Андариг, Атамрум не заехал к Зимри-Лиму в Мари, что было расценено как оскорбление. А в самом Андариге Атамрум не допускал Ясим-Эля на совместные трапезы и приемы, куда приглашались представители других государств. Это и вызвало у последнего восклицание: «Почему ты разделяешь надвое единый палец?». Иными словами, Ясим-Эля недоумевал и возмущался тем, что Атамрум ведет себя не по-союзнически.

Текст (4) сохранил, пожалуй, самый яркий пример употребления оборота *ubānum ištēt*. Письмо представляет собой отчет мариотских дипломатов Ишхи-Дагана и Янциб-Адду о переговорах с царем Вавилона Хаммурапи в 5-й год правления Зимри-Лима (= 1770 г. до н. э.). В центре переговоров была проблема города Хит, важного религиозного и экономического центра на Среднем Евфрате, обладание которым оспаривали

обе стороны. В ходе переговоров вавилонский царь активно апеллировал к историческому прошлому и ссылался на давний прочный союз с Мари: именно в этом контексте в речи Хаммурапи появляется выражение *ubānum ištēt*⁶. Однако сторонам не удалось достичь соглашения, и мир был заключен лишь спустя пять лет, в тот момент, к которому относится письмо (1) [10, p. 202].

К началу правления Зимри-Лима, а именно к концу его 1-го – 2-му году (= 1774–1773 гг. до н. э.), относятся события, описанные в документе (5). В этот период царь Мари стремился усилить свое влияние на востоке Верхней Месопотамии, в частности – в области Нумха / Нумхум, к юго-востоку от гор Джебель-Синджар. Одной из его целей было добиться союза между нумхейцами и зависимыми от него кочевыми бинсимъалитами. Такой союз позволил бы бинсимъалитам свободно проводить свой стада через территорию Нумхи [11, p. 213–215; 10, p. 189–190]⁷.

Письмо (6) также датируется началом правления Зимри-Лима (1-й год правления = 1774 г. до н. э.). После покорения города Кахат в центре треугольника Хабура другие царства этого региона спешили признать над собой власть Зимри-Лима. Одним из них было царство Ашнаккум во главе с Якби-Адду. Якби-Адду обратился к Зимри-Лиму с дружественным письмом, в котором утверждал, что тесный союз между Мари и Ашнаккумом восходит ко времени предков Зимри-Лима.

Текст (7) также связан с Ашнаккумом, однако датируется более поздним временем, 10-м годом правления Зимри-Лима (= 1765 г. до н. э.), когда Верхняя Месопотамия переживала эламское вторжение. Правитель Ашнаккума того времени, Ишме-Адду, являлся вассалом сразу двух царей – эламского суккальмаха и правителя Андарига Атамрума, союзного эламита. В своем письме к правителю царства Ашлакка Ибаль-Адду⁸ Ишме-Адду обвинял своего адресата в том, что тот препятствует заключению союза между Ашнаккумом и кочевым населением региона⁹. Эти действия Ибаль-Адду образно описаны как «разрезание надвое одного пальца».

Точная датировка текста (8) затруднительна, упоминание царствования Шамши-Адада указывает на то, что письмо было написано позднее, в правление царя Зимри-Лима. В тексте говорится о тесном союзе двух правителей или вождей. Один из них, Айялум, известен как царь Абаттума [8, с. 50]¹⁰, второй, Якун-Хамму, вероятно, был предводителем

⁶ Д. Шарпен отмечает, что подобные исторические экскурсы нужно воспринимать с осторожностью. Так, слова Хаммурапи противоречат информации текста (8) [9, p. 109–110].

⁷ Зимри-Лим сам принадлежал к племени бинсимъалитов (*mārū simʾal*).

⁸ Отдельный вопрос, как это письмо попало в архивы Мари. См. об этом: [7, p. 166].

⁹ Царство Ишме-Адду – Ашнаккум – фигурирует в этом пассаже под обозначением Идамарац. О ханеях см.: [12, S. 79–142].

¹⁰ О городе Абаттум см.: [13, p. 1–2].

кочевого населения [8, с. 50]. Возможно, оборот *ubānum ištēt* был употреблен в письме еще раз, однако соответствующее место на табличке сильно повреждено.

Историческим контекстом письма (9) выступает ситуация, возникшая после смерти царя державы Верхней Месопотамии Шамши-Адада (1776 г. до н. э.). В этот момент старший сын и преемник Шамши-Адада Ишме-Даган стремился возобновить союзы своего отца, в том числе союз с Вавилоном. В Вавилон была отправлена миссия во главе с высокопоставленным сановником Хулалумом, и на фоне этих событий Ишме-Даган писал своему брату Ясмах-Адду о давности тесных союзных связей между их династией и династией Вавилона [10, р. 141].

Наконец, текст (10) происходит из архивов Шубат-Энлиля (совр. Телль-Лейлан), столицы верхнемесопотамской страны Апум середины – второй половины XVIII в. до н. э. Это письмо адресовано правителем Курды Аштамар-Ададом царю Апума Тилль-Абну (ок. 1747–1746 гг. до н. э.) [14, р. 10–11]. Царь Курды, страны, которая относилась к области Нумха / Нумхум, приглашает своего адресата, недавно вступившего на престол, к возобновлению союза, которого придерживался его предшественник. На основе приведенных данных можно выстроить предположительную хронологическую последовательность разобранных документов: (9), (6), (5), (4), (7), (1), (2), (3), (10)¹¹.

Варианты и особенности употребления

В плане морфосинтаксиса и орфографии варьированию в обороте *ubānum ištēt* подлежит в первую очередь числительное «один». В подавляющем числе случаев оно представлено формой абсолютного состояния ж. р.: *ištēt* (10x) и *ištīat* (2x). Лишь однажды употреблена форма м. р. *ištēn*. Форма *ištēt* может писаться с помощью *scriptio plena* (1x), но преобладают краткие записи без дополнительного знака для гласного (9x). Можно также отметить, что в двух кратких записях *ištēt* и в записи формы м. р. *ištēn* для выражения фонетического значения /te/ используется знак *te*₉ (= TI).

Синтаксически выражение *ubānum ištēt* чаще всего выступает именным сказуемым (6x). Трижды оно засвидетельствовано в функции косвенного дополнения при глаголе *tārum* 'превращаться, становиться'. Еще два раза оказывается прямым дополнением при глаголах *batāqum* 'отделять' и *parāsum* 'отрезать'. В одном случае оборот располагается в поврежденном месте таблички, и его реконструкция, а значит, и синтаксическая структура остаются под вопросом.

¹¹ Письмо (8), как было указано выше, не поддается точной датировке: теоретически оно могло бы располагаться в приведенной последовательности в любой позиции между (9) и (10).

В семантическом плане выражение передает идею тесного, неразрывного союза. Аллегория касается только двух участников. Она может применяться по отношению к двум правителям (1, 2, 8), двум династиям («домам») (6, 9), двум городам, странам или народам (4, 5, 7, 10). Два таких участника могут уже пребывать в состоянии тесного союза, тогда оборот чаще выступает в роли именного сказуемого, а для того, чтобы подчеркнуть давность и нерушимость такого союза, в предложение могут быть введены наречные выражения типа «испокон века», «навек». Вступление в союзные отношения описывается с помощью фразы «обратиться в один палец, стать одним пальцем», *ana ubānim ištēt târum*. Когда нужно было сказать, что кто-то нарушает единство союзников или один из союзников ведет себя недружественно по отношению к другому, то использовались фразы, в которых словосочетание *ubānum ištēt* выступало прямым объектом таких глаголов, как «разделять», «разрезать», «расщеплять». В качестве близких, синонимичных выражений, употребляемых вместе с оборотом *ubānum ištēt*, в текстах встречаются словосочетания «один дом» и «одно сердце».

История изучения

Уместно задаться вопросом о происхождении оборота *ubānum ištēt*. Как получилось, что он стал передавать идею тесного политического союза? Этому вопросу в специальной литературе посвящена по сути лишь одна заметка У. Морана [15]. В ней автор высказывает два предположения. Согласно первому, аллегория отсылала к символическому жесту, который совершали правители, заключая договор¹². Жест состоял в соединении или сцеплении больших или указательных пальцев. При этом обе стороны могли произносить торжественные клятвы, как сообщает текст (2) [15, р. 74]. Вторая гипотеза состоит в том, что выражение отсылало к явлению синдактилии, врожденному сращиванию пальцев руки. Такого рода сращения могли выступать ярким образом двух сторон, объединенных в союз, который невозможно разделить [15, р. 75]. Моран считал первое объяснение более естественным и логичным.

В этом его поддерживал Ж.-М. Дюран, также кратко прокомментировавший выражение *ubānum ištēt*. Дюран полагает, что оно отсылало к жесту, который до сих пор используется на Ближнем Востоке: «Еще и сейчас сближение двух указательных пальцев, правого и левого, символизирует в Сирии братство или дружбу, когда говорят о ком-то» [6, р. 39, note 4].

Интересную параллель из области древней истории привел Д. Шарпен [18, р. 75]. Он ссылается на пояснение, которое дает в своих «Анналах»

¹² В целом о символических жестах и их отражении в языке народов древнего Ближнего Востока см.: [16; 17].

Тацит по поводу заключения договора между царем Армении Митридатом и его племянником, иберийским царевичем Радамистом в 51 г. н. э.:

«У восточных царей в обычае всякий раз, как они вступают в союз, выставляют перед собой правые руки и, приложив друг к другу большие пальцы, туго перетягивать их узлом; а когда пальцы нальются кровью, она выпускается из них посредством легких надрезов, и цари друг у друга ее высасывают» (Тас. Ann. XII.47) (*пер. А. С. Бобовича*).

Шарпен считает описанный здесь обряд прямым продолжением древневосточной практики II тыс. до н. э. Эта параллель тем более интересна, что может быть увязана с другим символическим действием, которое, согласно старовавилонским источникам, совершали цари во время заключения договора, а именно с помазанием кровью (см. ниже) [18, p. 75].

Вместе с тем проблема «жестового» объяснения оборота *ubānum ištēt* заключается в отсутствии каких-либо подтверждений со стороны письменных или иконографических источников II тыс. до н. э. Пока не было приведено ни одного текста или изображения, которые бы прямо указывали на использование соответствующего жеста в ходе церемонии заключения союзного договора в старовавилонскую эпоху.

Эти церемонии между тем достаточно неплохо освещены в текстах. С процедурной точки зрения в старовавилонской Месопотамии выделялось два типа соглашений: соглашения, заключающиеся при личной встрече правителей, и соглашения, заключающиеся на расстоянии¹³. В рамках первого типа участники собирались в заранее условленном месте, возможно, в присутствии свидетелей из числа представителей других государств. Далее шло обсуждение и провозглашение условий договора. После чего совершался ритуал заклания осла (*hayaram qatālum*), при котором животное уподоблялось будущему нарушителю договора [18, p. 53]. Также, как свидетельствуют староассирийские данные, мог совершаться и другой символический акт: участники церемонии выплескивали из сосуда жидкость, символизировавшую кровь нарушителя договора [18, p. 53]¹⁴. Момент произнесения клятвы до, во время или после заклания осла, а также последовательность, в которой ее приносили участники, установить сложнее [18, p. 58]. Д. Шарпен допускает, что после этих ритуально-символических актов цари обнимались [18, p. 58–59, il. 2–2]. Затем они испивали из одной чаши, обменивались подарками, после чего разъезжались¹⁵. Данная реконструкция основана, по сути, на одном тексте, ARM XXVI/2 404. Этот текст очень подробно описывает

¹³ На русском языке см.: [19, с. 187–192].

¹⁴ Ср. похожую практику при принесении клятвы у хеттов и древних греков [20, p. 220].

¹⁵ Обряд, при котором приносящие взаимную клятву пили из одной чаши, засвидетельствован в хеттских источниках [21, p. 94; 20, p. 189, 221–220, 260].

процедуру заключения договора. Вместе с тем он ставит и важную историко-этнографическую проблему: отражает ли документ обычную процедуру или же, наоборот, некий исключительный случай, необычность которого побудила автора составить столь подробный отчет [18, р. 60]. В первом случае нельзя исключать, что процедура могла включать какие-то другие ритуальные жесты, в том числе действия, которые могли стать основой для выражения *ubānum ištēt*.

Соглашения, заключающиеся на расстоянии, подразумевали достаточно длительную подготовительную стадию. Сначала шло обсуждение условий договора через послов. Послы царя везли к его контрагенту на согласование так называемую «малую табличку» (*tuppum šeħrum*), в которой содержались базовые пункты будущего соглашения. В случае согласия контрагент должен был совершить жест «касания горла» в присутствии послов, доставивших «малую табличку»¹⁶. Далее следовал обмен «большими табличками» (*tuppum rabûm*) с окончательным, подробным вариантом договора, включая проклятия, призываемые на его нарушителя. Стороны также обменивались «богами» (очевидно, статуями или символами богов-покровителей) и «великим оружием» (вероятно, церемониальным оружием, наделенным сакральной силой и олицетворявшим неминуемую кару нарушителю договора): эти предметы были частью церемонии заключения договора. Каждая сторона клялась перед богами своего партнера в присутствии его послов. Послы следили за тем, чтобы текст клятвы был произнесен в точном соответствии с «большой табличкой» [18, р. 100–101].

Принесение клятвы происходило либо в храме, либо во дворце. Накануне послы омывали руки царю, к которому они прибыли с миссией от своего господина. Во время принесения клятвы царь совершал жест «поднятия руки» (*nīš qātim*) и «касания горла» (*lipit napištīm*) [22, р. 301–302; 18, р. 68–70]. Последнее действие, видимо, символизировало то, что царь гарантирует выполнение договора собственной жизнью: горло, где проходили дыхательные пути, считалось у месопотамцев средоточием жизни [18, р. 72]. Еще одним жестом было помазание кровью партнера, для чего эту кровь специальным образом, вероятно, смешав с маслом во избежание свертывания, доставляли в распоряжение другой стороны. Шарпен допускает, что касание горла и помазание кровью были одним ритуальным действием: произносивший клятву царь касался своего горла рукой, предварительно обмакнув ее в кровь партнера [18, р. 76]. Символизм такого жеста должен был быть другим по сравнению с тем,

¹⁶ Иногда эта стадия могла опускаться. Очевидно, в таком случае все предварительные договоренности достигались в ходе обмена письмами и устных переговоров послов. В результате имела место лишь одна процедура «касания горла» и принесения клятвы. Такая ситуация, возможно, объясняет, почему до нас дошло мало «малых табличек», всего три [18, р. 99–100].

что было сказано выше: речь шла не о клятве жизнью, а об установлении кровных связей с противоположной стороной [18, р. 76]. Также могло иметь место связывание края или бахромы одежды двух царей (*sissiktam rakāsum* или *kašārum*) [1, р. 258], однако нет уверенности в том, что данное выражение отсылает к реальному символическому жесту. Не исключено, что оно употреблялось только в переносном смысле [18, р. 95]. Можно отметить, что первый тип соглашений был основан на ритуальных действиях и произнесении торжественных формул. Второй тип соглашений подразумевал в старовавилонскую эпоху, помимо этих элементов, еще и важную роль письменных текстов.

Подытоживая проведенный обзор старовавилонской процедуры заключения договоров, следует сказать, что на настоящий момент знания об этой процедуре еще не полны, она могла включать элементы, о которых доступные нам источники либо умалчивают, либо говорят слишком кратко.

Поиски параллелей в эпоху поздней бронзы

Восполнить имеющиеся в этих знаниях лакуны могут только новые источники. Вышедшие недавно издания эпистолярных текстов из Мари, к сожалению, не добавляют новой информации [23; 24]. В этих условиях допустимо обратиться к более позднему материалу в рамках II тыс. до н. э. Безусловно, эпоха поздней бронзы (XV – начало XII в. до н. э.) по сравнению с предыдущим периодом среднебронзового века была ознаменована рядом важных новаций в сфере межгосударственных отношений, дипломатии и связанных с ними ритуально-символических практик¹⁷. Вместе с тем говорить о резком культурном разрыве между двумя эпохами неправомерно.

В связи с оборотом *ubānum ištēt* 'один палец' заслуживает внимания стела RS 7.116 из сирийского города Угарит, датируемая XIV в. до н. э. Эта стела была найдена в ходе седьмого сезона раскопок на городище Рас-Шамра в 1935 г. Местом обнаружения памятника стало здание в северной части квадрата С в верхнем городе, к юго-западу от храма Баала: стела залегала на глубине 2 м 70 см в углу дома. Она сделана из известняка и имеет небольшие размеры (ок. 13 x 22 см). На стеле изображены две фигуры, стоящие друг напротив друга. Между фигурами размещен высокий столик или подставка, опора которого разделяется книзу на две ножки, скрепленные перемычкой. На столике лежат два прямоугольных предмета, интерпретируемые как таблички. Над головами каждого из двух участников изображен цветок лотоса¹⁸. Участники сцены соверша-

¹⁷ См. об этом, в частности: [25, р. 115; 18, р. 135–137].

¹⁸ Цветок лотоса в угаритском искусстве может указывать на связь с культом предков или погребальный характер памятника, в связи с чем Р. Дюссо предположил, что на стеле изображена сцена жертвоприношений в честь умершего предка [26, р. 119].

ют одной рукой симметричный жест: локти оперты на прямоугольные предметы на столике, кисти подняты на уровень подбородка, указательные пальцы соединены или вот-вот соединятся. Вторую руку каждый участник держит на уровне пояса. В целом обе фигуры выглядят похоже, имеют почти одинаковый рост, позу и одеяние. Ничто не указывает на то, что одна из них представляет божество. Все комментаторы согласны, что перед нами люди, вероятно, правители. Главным отличием двух персонажей выступает головной убор: на фигуре справа головной убор в форме усеченного конуса, напоминающий современную феску. Сложнее понять, что на голове у фигуры слева: Кл. Шеффер полагал даже, что этот участник изображен с непокрытой головой [26, р. 116], в связи с чем приписывал ему более низкий статус. М. Йон считает, что либо головной убор присутствует, и это своего рода колпак (*bonnet*), либо голова фигуры покрыта тканью [27, р. 304].

Как бы то ни было, оба исследователя сходились в том, что скорее всего на стеле изображена светская, а не религиозная сцена. Симметричность композиции, торжественный жест, который совершают оба участника, наводило на мысль, что древний скульптор запечатлел момент принесения клятвы о союзе или договоре. По мнению М. Йон, участник, изображенный слева, – это угаритский царь-жрец, а фигура справа изображает некоего чужеземного правителя. Условия заключаемого ими договора должны были быть записаны на табличках, лежащих на столике. Очевидно, предполагалось, что после обряда принесения клятвы стороны обменяются ими [26, р. 116]. Такую интерпретацию памятника разделяют и авторы недавних работ: для них угаритская стела тоже является изображением сцены договора [28, р. 401; 29, р. 131]. Эти исследователи добавляют важную деталь: предметы, лежащие на столике, вероятно, представляют собой не глиняные таблички, а деревянные складни с восковым покрытием, также служившие на древнем Ближнем Востоке для записи текстов.

Безусловно, особого внимания заслуживает жест, который совершают участники сцены. На фотографии в первоначальной публикации Кл. Шеффера отчетливо видно, что обе фигуры соприкасаются пальцами (см. рис.) [26, pl. XIV].

Рис. Угаритская стела RS 7.116
[26, pl. XIV]

Fig. Ugarit stele RS 7.116 [26, pl. XIV]

То же можно сказать о фотографиях, помещенных в некоторых других изданиях [30, S. 135, Abb. 432; 31, p. 92, pl. VI; 32, p. 199, fig. 608; 29, p. 131, fig. 3]. Вместе с тем, судя по фотографии в переиздании стелы М. Йон, пальцы не соприкасаются, а лишь сближаются. Это отражено на прорисовке автора [27, p. 335]. К. Шеффер и М. Йон пишут о симметричном жесте, но не описывают его в деталях. Между тем Н. Постгейт, а также М. Каммарозано с соавторами четко заявляют, что две фигуры касаются друг друга руками¹⁹. Как бы то ни было, изображенный на прорисовке М. Йон жест вряд ли можно понять как простое торжественное поднятие рук, пальцы двух участников сцены явно устремлены друг к другу и вот-вот должны соединиться. Резонно предположить, что это и есть тот самый жест, возможно, один из его вариантов, который, по мнению У. Морана, лег в основу аккадского выражения *ubānum ištēt*.

Если стела действительно изображает сцену принесения клятвы по случаю заключения союза, то она несет важную информацию об изменениях в дипломатической практике, происшедших со времен старовавилонского периода. Как отмечалось выше, в старовавилонскую эпоху договоры, заключающиеся при личной встрече, не подразумевали письменной фиксации условий соглашения: главным было их торжественное произнесение, подкрепленное клятвой и символическими действиями. Потребность в письменном оформлении возникала при заключении договора на расстоянии, но опять же, юридическую силу имел не сам документ, а торжественная клятва, которую правитель приносил в присутствии послов и богов своего партнера. Угаритская стела, очевидно, свидетельствует, что ситуация в период поздней бронзы изменилась: письменный текст приобрел тогда новое значение и стал играть непосредственную роль в церемонии заключения договора при личной встрече правителей. Как указывалось выше, существует точка зрения, что договор записывался в двух экземплярах и после принесения клятвы стороны обменивались ими.

Безусловно, заслуживает внимания вопрос, есть ли в письменных источниках эпохи поздней бронзы сведения о заключении договоров при личной встрече. Однозначно можно утверждать, что личные встречи царей происходили и что цари путешествовали ради таких встреч на достаточно дальние расстояния²⁰.

¹⁹ О соприкосновении кончиками пальцев пишет Ю. Бёркер-Клен [33, S. 242].

²⁰ См. обсуждение этого вопроса, например: [34, p. 78–82]. Т. Брайс насчитывает в позднебронзовом корпусе всего два примера встреч на высшем уровне, причем обе эти встречи не состоялись. Исследователь полагает, что визит в чужую столицу, ко двору другого великого царя, ронял престиж правителя крупной державы, поэтому подобные визиты могли обсуждать, но в реальности никто не стремился их осуществить. В то же время встречи на пограничной территории, в вассальных землях одного из царей, вряд ли были сопряжены с теми же проблемами. Именно о таких встречах, видимо, и сообщают в основном источники, которые обсуждаются ниже в статье.

Так, известно, что готовилась, но не состоялась личная встреча между Хаттусили III и Рамсесом II [35, S. 92–93]. Возможно, с предложением встретиться к своему хеттскому современнику обращался ассирийский царь Ададнерари I (текст КВо 1.14, см.: [36, p. 184–194])²¹. В пределы Хеттской державы, на территорию царства Каркемиш, совершали поездку ассирийский правитель Салманасар I вместе с сыном, будущим царем Тукульти-Нинуртой I [38]²². На оплакивание умершего Тукульти-Нинурты I в Ашшур прибыла представительная делегация правителей из Хеттской державы [39; 40]. В ходе траурных мероприятий, безусловно, должны были состояться переговоры с новым ассирийским царем.

Практически не вызывает сомнения то, что хеттские цари заключали договоры со своими вассалами во время личных встреч²³. Однако ситуация с союзами, заключенными при личной встрече великих царей, к каковым в XIII в. до н. э. относились лишь правители Вавилонии, Ассирии, Египта, Хатти и, вероятно, Ахейской Греции, сложнее.

Решающие сведения об этом, по моему мнению, дает письмо КВо 18.28+, которое является частью хетто-ассирийской межгосударственной переписки, то есть переписки между двумя великими державами позднебронзового века [43; 44]. Автор этого документа, вероятно, хеттский царь Тудхалия IV, обращаясь к адресату, предположительно отождествляемому как Салманасар I, цитирует его слова: «Встань перед той первой табличкой, которую мы составили в Кум(м)аху». Ассирийский царь требовал, чтобы хеттский партнер сверился с текстом договора, который они оба заключили в городе Кумаху при личной встрече. Этот пассаж не только убеждает, что практика заключения договоров в ходе прямых переговоров сторон имела место в XIII в. до н. э., но и что на подобных встречах договор составлялся в двух экземплярах, которыми стороны, возможно, обменивались.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, как в точности проходила сама процедура заключения договора и какие символические действия совершались в ее ходе. То же письмо КВо 18.28+ свидетельствует, что стороны приносили взаимную клятву. Вместе с тем о символических жестах, которые сопровождали клятву, в документе не сообщается.

²¹ В этом письме (KUB 23.102), которое было реакцией на ассирийские предложения, хеттский царь писал: «Зачем ты пишешь мне о хождении на гору Аммана и о братстве?». Поездка на гору Аманус в хеттских владениях могла предполагать личную встречу царей и заключение договора о братстве. Именно в таком ключе рассматривает данный пассаж А. Харрак (см.: [37, p. 113]).

²² Предположу, что во время этой поездки, датируемой 28-м годом правления Салманасара (1246/1236 г. до н. э.), могла состояться его личная встреча с хеттским царем Тудхалией IV, в ходе которой был подписан мирный договор.

²³ Так, например, в Хаттусе были, вероятно, заключены договоры с Апарру из страны Каласма и с Хукканой из страны Хайяса (см.: [41, p. 170; 42, p. 23, 28]).

Однако, думаю, что процедура вряд ли радикально отличалась от старовавилонской, за исключением роли письменных текстов, которые приобрели самостоятельное значение. Издавна совершаемые при принесении клятвы жесты могли быть частью этой процедуры. Касание или сцепление пальцев с большим основанием можно отнести к их числу.

Закономерно возникает вопрос, не запечатлен ли этот символический жест в ближневосточных письменных источниках, датируемых эпохой поздней бронзы или, по крайней мере, временем после XVIII в. до н. э. Разумеется, речь не идет о прямых упоминаниях и тем более достаточно подробных описаниях в духе отрывка из Тацита: если бы таковые действительно существовали, то они бы уже давно были отмечены в историографии. Однако, возможно, аллюзии, не прямые отсылки к жесту соединения пальцев сохранились в ином церемониальном контексте, нежели заключение договора. Поскольку проанализированный памятник, стела RS 7.116, происходит из Угарита, то логично вести поиск в угаритском корпусе, а также в письменных памятниках, которые близки к нему географически и хронологически, т. е. в текстах из сирийских и анатолийских архивов.

Беглый обзор угаритской литературы, а также других сирийских текстов середины – второй половины II тыс. до н. э., в частности из Алалаха и Эмара, не позволяет выявить отсылку к символическому жесту сцепления или соприкосновения пальцев²⁴. Вместе с тем хеттский корпус сохранил один пример, который может с определенными оговорками представлять интерес для обсуждаемой темы: в описании древнехеттского праздничного обряда присутствует фраза «старые люди (LÚ.MEŠ ŠU.GI) [...] соединяют свои пальцы ([k]alulupuš-šmuš hurtaliyanzi)»²⁵ [62, S. 120]. К сожалению, контекст слишком поврежден для того, чтобы делать на основании этого примера сколько-нибудь уверенные выводы.

Выводы и заключения

Выше максимально полно проанализированы известные на сегодняшний день сведения, позволяющие интерпретировать старовавилонский

²⁴ См. переводы основных угаритских памятников с основной библиографией: [45, р. 239–366 и 46, р. 87–115, 254–258]. Тексты из Алалаха см.: [47–51], тексты из Эмара см.: [52–60], оба списка не являются исчерпывающими. О символических жестах в документах из Эмара см.: [61].

²⁵ Увы, контекст и грамматика не позволяют сказать, о каком типе действия, возвратном (каждый участник церемонии соединяет свои пальцы, например, сжимая их в кулак) или взаимном (два участника соприкасаются пальцами друг с другом), идет речь. Даже если имелось в виду взаимное действие, мы не знаем, было ли оно наделено той же или близкой семантикой, что и в случае аналогичного жеста при заключении договора. Помимо этого примера, можно также упомянуть древнехеттский ритуал, посвященный очищению царской четы: в нем описываются действия по обвязыванию пальцев царя и царицы нитью [63, S. 38–39]. О хеттских идиомах, в состав которых входят названия частей тела, см.: [64].

оборот *ubānum ištēt* ‘один палец’. Это выражение обозначало тесный политический союз между правителями или государствами. Согласно наиболее убедительной гипотезе У. Морана, выражение возникло благодаря торжественному жесту, который совершали правители во время церемонии заключения союза между ними. Этот жест состоял в соприкосновении или сцеплении пальцев двух участников церемонии. Предположительно угаритская стела XIV в. до н. э. RS 7.116 сохранила изображение того, как этот жест или одна из разновидностей этого жеста выглядела на самом деле. Если старовавилонские и угаритские данные действительно отсылают к одному и тому же действию, то на этом примере можно говорить о преемственности правовых и дипломатических традиций в Сирии и Месопотамии II тыс. до н. э. Об этом же косвенно может свидетельствовать, как показано в статье, задокументированная в источниках эпохи поздней бронзы практика заключения договоров при личной встрече правителей великих держав.

Список сокращений / Abbreviations

- ВДИ – Вестник древней истории
- АОАТ – Alter Orient und Altes Testament
- ARM – Archives royales de Mari
- ASJ – Acta sumerologica
- AuOr – Aula Orientalis
- BaF – Baghdader Forschungen
- CM – Cuneiform Monographs
- FM – Florilegium marianum
- HANE/M – History of the Ancient Near East / Monographs
- LAPO – Littératures du Proche-Orient ancien
- M.A.R.I. – Mari: Annales de Recherches Interdisciplinaires
- MRS – Mission de Ras Shamra
- N.A.B.U. – Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires
- OBO – Orbis biblicus et orientalis
- OLA – Orientalia lovaniensia analecta
- Or. – Orientalia
- PIHANS – Publications de l’Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul
- RA – Revue d’assyriologie et d’archéologie orientale
- RSOu – Ras Shamra-Ougarit
- SBL WAW – Society of Biblical Literature, Writings from the Ancient World
- SMEA – Studi micenei ed egeo-anatolici
- StBoT – Studien zu den Boğazköy-Texten
- TSO – Texte und Studien zur Orientalistik

Литература

1. Lafont B. Relations internationales, alliances et diplomatie au temps des royaumes amorrites. In: Durand J.-M., Charpin D. (éds) *Mari, Ébla et les Hourrites, dix ans de travaux. Actes du colloque international (Paris, mai 1993)* (Amurru, 2). Paris: Éditions Recherches sur les Civilisations; 2001. P. 213–328.

2. Roth M. (ed.) *The Assyrian Dictionary of the University of Chicago*. Vol. 20: *U and W*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago; 2010. XXXII, 411 p.

3. von Soden W. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag; 1985. XVIII, 1592 S.

4. Militarev A., Kogan L. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. 1: *Anatomy of Man and Animals* (AOAT, 278/1). Münster: Ugarit-Verlag; 2000. CLIV, 425 p.

5. Durand J.-M. *Documents épistolaires du palais de Mari* (LAPO, 16). Paris: Les Éditions du Cerf; 2002. 654 p.

6. Durand J.-M. Espionnage et guerre froide: la fin de Mari. In: Durand J.-M. (éd.) *Recueil d'études en l'honneur de Michel Fleury* (FM, I). Paris: SEPOA; 1992. P. 39–52.

7. Charpin D. Un souverain éphémère en Ida-Maraş: Išme-Addu d'Āšnakkum. *M.A.R.I.* 1993;7:165–191.

8. Durand J.-M. La cite-état d'Imâr à l'époque des rois des Mari. *M.A.R.I.* 1990;6:39–92.

9. Charpin D. L'évocation du passé dans les lettres de Mari. In: Prosecky J. (ed.) *Intellectual Life of the Ancient Near East. Papers Presented at the 43rd Rencontre assyriologique internationale, Prague, July 1–5, 1996*. Prague: Academy of Sciences of the Czech Republic, Oriental Institute; 1998. P. 91–110.

10. Charpin D., Ziegler N. *Mari et le Proche-Orient à l'époque amorrite. Essai d'histoire politique* (FM, V). Paris: SEPOA; 2003. XI, 302 p.

11. Lafont B. L'admonestation des Anciens de Kurdâ. In: Charpin D., Durand J.-M. (éds) *Recueil d'études à la mémoire de Maurice Birot* (FM, II). Paris: SEPOA; 1994. P. 209–220.

12. Kärger B. *Leben in der amurritischen Welt. Nomaden und Sesshafte im Reich von Mari im 19. Und 18. Jahrhundert vor Christus* (Philippika, 68). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2014. XVI, 400 S.

13. Ziegler N., Langlois A.-I. *Les toponymes paleo-babyloniens de la Haute-Mésopotamie* (Matériaux pour l'étude de la toponymie et de la topographie, I/1: La Haute-Mésopotamie au IIe millénaire av. J.-C.). Antony: SÉPOA; 2016. XXII, 500 p.

14. Eidem J. *The Royal Archives from Tell Leilan. Old Babylonian Letters and Treaties from the Lower Town Palace East* (PIHANS, 117). Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten; 2011. LII, 625 p.

15. Moran W. L. *Ubānum ištēt*. *N.A.B.U.* 1989;4:74–75.

16. Gruber M. I. *Aspects of Nonverbal Communication in the Ancient Near East* (Studia POHL, 12/I–II). Rome: Biblical Institute Press; 1980. XXX, 770 p.

17. Malul M. *Studies in Mesopotamian Legal Symbolism* (AOAT, 221). Kevelaer; Neukirchen-Vluyn: Verlag Butzon & Bercker; Neukirchener Verlag; 1988. XIII, 512 p.

18. Charpin D. *"Tu es de mon sang". Les alliances dans le Proche-Orient ancien*. Paris: Collège de France; Les Belles Lettres; 2019. 338 p.

19. Шарпен Д. *Хаммурапи, царь Вавилона*. М.: РГГУ; 2013. 312 с.

20. Rutherford I. *Hittite Texts and Greek Religion: Contact, Interaction, and Comparison*. Oxford: Oxford University Press; 2020. XV, 385 p.

21. Devecchi E. *Trattati internazionali ittiti*. Brescia: Paideia Editrice; 2015. 317 p.

22. Charpin D. Histoire politique du Proche-Orient amorrite (2002–1595). In: Charpin D., Edzard D.-O., Stol M. *Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit* (OBO, 160/4). Fribourg: Academic Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2004. P. 23–480.

23. Reculeau H. *L'agriculture irriguée au royaume de Mari. Essai d'histoire des techniques*. Vol. 1–2 (FM, XVI). Paris: SEPOA; 2018. X, 535 p., 3 cartes.

24. Durand J.-M. *Les premières années du roi Zimri-Lîm de Mari. Première partie* (ARM, XXXIII). Leuven–Paris – Bristol: Peeters; 2019. 602 p.

25. Altman A. *Tracing the Earliest Recorded Concepts of International Law: The Ancient Near East (2500–330 B.C.E.)* (Legal History Library, 8; Studies in the History of International Law, 4). Leiden–Boston: Martinus Nijhoff Publishers; 2012. XXVI, 254 p.

26. Schaeffer C. F.-A. Les fouilles des Ras-Shamra-Ugarit. Septième campagne (printemps 1935). *Syria*. 1936;17:105–149.

27. Yon M. Stèles de pierre. In: Yon M. (éd.) *Arts et industries de la pierre* (RSOu, VI). Paris: Editions Recherche sur les Civilisations; 1991. P. 273–344.

28. Postgate N. *Bronze Age Bureaucracy. Writing and the Practice of Government in Assyria*. Cambridge –New York: Cambridge University Press; 2013. XI, 484 p.

29. Cammarosano M., Weirauch K., Maruhn F., Jendritzki G., Kohl P. L. They Wrote on Wax. Wax Boards in the Ancient Near East. *Mesopotamia*. 2019;54:121–180.

30. Bossert H. *Altsyrien. Kunst und Handwerk in Cypern, Syrien, Palästina, Transjordanien und Arabien von den Anfängen bis zum völligen Aufgehen in der griechisch-römischen Kultur*. Tübingen: Verlag Ersnt Wasmuth; 1951. XVI, 407 S.

31. Schaeffer Cl. F.-A. *Ugaritica III. Sceaux et cylindres hittites, épée gravée du cartouche de Mineptah, tablettes chyro-minoennes et autres découvertes nouvelles de Ras Shamra* (MRS, 8). Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner; 1956. IX, 289 p.

32. Pritchard J. B. *The Ancient Near East in Pictures Relating to the Old Testament*. Princeton: Princeton University Press; 1969. 384 p.

33. Börker-Klähn J. *Alt Vorderasiatische Bildstelen und vergleichbare Felsreliefs* (BaF, 4). Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern; 1982. 288 S.

34. Bryce T. *Letters of the Great Kings of the Ancient Near East. The Royal Correspondence of the Late Bronze Age*. London–New York–Routledge; 2003. IX, 244 p.

35. Klengel H. *Hattuschili und Ramses – ihr langer Weg zum Frieden*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern; 2002. 179 S.

36. Mora C., Giorgieri, M. *Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Ḫattuša* (HANE/M, 7). Padua: S.A.R.G.O.N. Editrice e Libreria; 2004. XII, 270 p.

37. Harrak A. *Assyria and Hanigalbat: A Historical Reconstruction of Bilateral Relations from the Middle of the Fourteenth to the End of the Twelfth Centuries B.C.* (TSO, 4). Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag; 1987. XVIII, 315 p.

38. Shibata D. An Expedition of King Shalmaneser I and Prince Tukulti-Ninurta to Carchemish. In: Y. Heffron, A. Stone, M. Worthington (eds) *At the Dawn of History: Ancient Near Eastern Studies in Honour of J. N. Postgate*. Vol. 1. Winona Lake: Eisenbrauns; 2017. P. 491–506.

39. Wiggermann F. A. M. The Seal of Ilī-padā, Grand Vizier of the Middle Assyrian Empire. In: Taylor P. (ed.) *The Iconography of Cylinder Seals*. London–Turin: Warburg Institute; Nino Aragno editore; 2006. P. 92–99.

40. Александров Б. Е. «Цари из другой страны пришли оплакивать»: Ассирия в начале XII в. до н. э. по данным письма Т 02-32. *Древний Восток и античный мир*. 2018;9:12–34.

41. Devecchi E. Missing Treaties of the Hittites. *KASKAL. Rivista di storia, ambienti e culture del Vicino Oriente Antico*. 2015;12:155–178.

42. Beckman G. *Hittite Diplomatic Texts* (SBL WAW, 7). Atlanta: Scholars Press; 1996. XX, 206 p.

43. Александров Б. Е. Хеттское царство и страны Верхней Месопотамии в правление Тудхалии IV и его сыновей (2-я половина XIII – начало XII в. до н. э.): новые гипотезы и источники. *ВДИ*. 2010;4:112–132.

44. Alexandrov B., Sideltsev A. Hittite *āššweni*. *RA*. 2009;103:59–84.

45. Hallo W.W., Younger K. L., Jr. (eds) *The Context of Scripture*. Vol. 1: *Canonical Compositions from the Biblical World*. Leiden–New York–Köln: Brill; 1997. XXVIII, 599 p.

46. Hallo W.W., Younger K. L., Jr. (eds) *The Context of Scripture*. Vol. 3: *Archival Documents from the Biblical World*. Leiden–New York–Köln: Brill; 2002. CVII, 403 p.

47. Wiseman D. *The Alalah Tablets*. London: The British Institute of Archaeology at Ankara; 1953. IV, 164 p., LVIII pl.

48. von Dassow E. Lists of People from the Alalah IV Administrative Archives. *UF*. 2002;34:835–211.

49. Niedorf C. Zeeb F. Texte aus Alalah. In: Lichtenstein M. (Hrsg.) *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. Neue Folge*. Bd. 1: *Texte zum Rechts- und Wirtschaftsleben*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus; 2004. P. 129–145.

50. Niedorf C. *Die mittelbabylonischen Rechtsurkunden aus Alalah* (Schicht IV). (AOAT, 352). Münster: Ugarit-Verlag; 2008. XIII, 497 S.

51. Durand J.-M. La fondation d'une lignée royale syrienne. La geste d'Idrimi d'Alalah. In: Durand J.-M., Römer T., Langlois M. (éds) *Le jeune héros. Recherches sur la formation et la diffusion d'un thème littéraire au Proche-Orient ancien* (OBO, 250). Fribourg–Göttingen: Academic Press Fribourg, Vandenhoeck & Ruprecht; 2011. P. 94–150.

52. Arnaud D. *Recherches au pays d'Aštata. Emar VI.3–4. Textes sumériens et accadiens*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations; 1986–1987. 494 p.; 400 p.

53. Arnaud D. *Textes syriens de l'âge du bronze récent* (AuOr Supplementa, 1). Barcelona: Editorial AUSA; 1991. 220 p.

54. Arnaud D. Tablettes de genres divers du moyen-Euphrate. *SMEA*. 1992; 30:195–245.

55. Tsukimoto A. Sieben spätbronzezeitliche Urkunden aus Syrien. *ASJ*. 1988; 10:153–178.

56. Tsukimoto A. Akkadian Tablets in the Hirayama Collection (I). *ASJ*. 1990;12:177–227.

57. Tsukimoto A. Akkadian Tablets in the Hirayama Collection (II). *ASJ*. 1991;13:275–333.

58. Tsukimoto A. Akkadian Tablets in the Hirayama Collection (III). *ASJ*. 1992;14:289–310.

59. Beckman G. *Texts from the Vicinity of Emar in the Collection of Jonathan Rosen*. (HANE/M, II). Padova: Sargon srl; 1996. XIV, 143 p., 97 pl.

60. Westenholz J. G. *Cuneiform Inscriptions in the Collection of the Bible Lands Museum. The Emar Tablets* (CM, 13). Groningen: Styx Publications; 2000. XVII, 193 p.

61. Sigrist M. Gestes symboliques et rituels à Emar. In: Quaegebeur J. (ed.) *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East. Proceedings of the International Conference Organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 17th to the 20th April 1991* (OLA, 55). Leuven: Peeters Press; 1993. P. 381–410.
62. Neu E. *Althethitische Ritualtexte in Umschrift* (StBoT, 25). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1980. XXIII, 250 S., 2 Tfn.
63. Otten H., Souček V. *Ein althethitisches Ritual für das Königspaar* (StBoT, 8). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1969. 136 S., 5 Tfn.
64. Dardano P. 'La main est coupable', 'le sang deviant abondant': sur quelques expressions avec des noms de parties et d'éléments du corps humain dans la littérature juridico-politique de l'Ancien et du Moyen Royaume Hittite. *Or*. 2002;71:333–392.

References

1. Lafont B. Relations internationales, alliances et diplomatie au temps des royaumes amorrites. In: Durand J.-M., Charpin D. (éds) *Mari, Ébla et les Hourrites, dix ans de travaux. Actes du colloque international (Paris, mai 1993)* (Amurru, 2). Paris: Éditions Recherches sur les Civilisations; 2001, pp. 213–328.
2. Roth M. (ed.) *The Assyrian Dictionary of the University of Chicago*. Vol. 20: *U and W*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago; 2010. XXXII, 411 p.
3. von Soden W. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag; 1985. XVIII, 1592 S.
4. Militarev A., Kogan L. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. 1: *Anatomy of Man and Animals* (AOAT, 278/1). Münster: Ugarit-Verlag; 2000. CLIV, 425 p.
5. Durand J.-M. *Documents épistolaires du palais de Mari* (LAPO, 16). Paris: Les Éditions du Cerf; 2002. 654 p.
6. Durand J.-M. Espionnage et guerre froide: la fin de Mari. In: Durand J.-M. (éd.) *Recueil d'études en l'honneur de Michel Fleury* (FM, I). Paris: SEPOA; 1992, pp. 39–52.
7. Charpin D. Un souverain éphémère en Ida-Maraş: Išme-Addu d'Ašnakkum. *M.A.R.I.* 1993;7:165–191.
8. Durand J.-M. La cite-état d'Imâr à l'époque des rois des Mari. *M.A.R.I.* 1990; 6:39–92.
9. Charpin D. L'évocation du passé dans les lettres de Mari. In: Prosecky J. (ed.) *Intellectual Life of the Ancient Near East. Papers Presented at the 43rd Rencontre assyriologique internationale, Prague, July 1–5, 1996*. Prague: Academy of Sciences of the Czech Republic, Oriental Institute; 1998, pp. 91–110.
10. Charpin D., Ziegler N. *Mari et le Proche-Orient à l'époque amorrite. Essai d'histoire politique* (FM, V). Paris: SEPOA; 2003. XI, 302 p.
11. Lafont B. L'admonestation des Anciens de Kurdâ. In: Charpin D., Durand J.-M. (éds) *Recueil d'études à la mémoire de Maurice Birot* (FM, II). Paris: SEPOA; 1994, pp. 209–220.
12. Kärger B. *Leben in der amurritischen Welt. Nomaden und Sesshafte im Reich von Mari im 19. Und 18. Jahrhundert vor Christus* (Philippika, 68). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2014. XVI, 400 S.
13. Ziegler N., Langlois A.-I. *Les toponymes paleo-babyloniens de la Haute-Mésopotamie* (Matériaux pour l'étude de la toponymie et de la topographie, I/1: La Haute-Mésopotamie au IIe millénaire av. J.-C.). Antony: SÉPOA; 2016. XXII, 500 p.

14. Eidem J. *The Royal Archives from Tell Leilan. Old Babylonian Letters and Treaties from the Lower Town Palace East* (PIHANS, 117). Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten; 2011. LII, 625 p.
15. Moran W. L. *Ubānum ištēt*. *N.A.B.U.* 1989;4:74–75.
16. Gruber M. I. *Aspects of Nonverbal Communication in the Ancient Near East* (Studia POHL, 12/I–II). Rome: Biblical Institute Press; 1980. XXX, 770 p.
17. Malul M. *Studies in Mesopotamian Legal Symbolism* (AOAT, 221). Kevelaer; Neukirchen-Vluyn: Verlag Butzon & Bercker; Neukirchener Verlag; 1988. XIII, 512 p.
18. Charpin D. *"Tu es de mon sang". Les alliances dans le Proche-Orient ancien*. Paris: Collège de France; Les Belles Lettres; 2019. 338 p.
19. Charpin D. *Hammurabi, King of Babylon*. Moscow: RGGU; 2013. 312 p. (In Russ.)
20. Rutherford I. *Hittite Texts and Greek Religion: Contact, Interaction, and Comparison*. Oxford: Oxford University Press; 2020. XV, 385 p.
21. Devecchi E. *Trattati internazionali ittiti*. Brescia: Paideia Editrice; 2015. 317 p.
22. Charpin D. Histoire politique du Proche-Orient amorrite (2002–1595). In: Charpin D., Edzard D.-O., Stol M. *Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit* (OBO, 160/4). Fribourg: Academic Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2004, pp. 23–480.
23. Reculeau H. *L'agriculture irriguée au royaume de Mari. Essai d'histoire des techniques*. Vol. 1–2 (FM, XVI). Paris: SEPOA; 2018. X, 535 p., 3 cartes.
24. Durand J.-M. *Les premières années du roi Zimrî-Lîm de Mari. Première partie* (ARM, XXXIII). Leuven–Paris – Bristol: Peeters; 2019. 602 p.
25. Altman A. *Tracing the Earliest Recorded Concepts of International Law: The Ancient Near East (2500–330 B.C.E.)* (Legal History Library, 8; Studies in the History of International Law, 4). Leiden–Boston: Martinus Nijhoff Publishers; 2012. XXVI, 254 p.
26. Schaeffer C. F.-A. Les fouilles des Ras-Shamra-Ugarit. Septième campagne (printemps 1935). *Syria*. 1936;17:105–149.
27. Yon M. Stèles de pierre. In: Yon M. (éd.) *Arts et industries de la pierre* (RSOu, VI). Paris: Editions Recherche sur les Civilisations; 1991, pp. 273–344.
28. Postgate N. *Bronze Age Bureaucracy. Writing and the Practice of Government in Assyria*. Cambridge –New York: Cambridge University Press; 2013. XI, 484 p.
29. Cammarosano M., Weirauch K., Maruhn F., Jendritzki G., Kohl P. L. They Wrote on Wax. Wax Boards in the Ancient Near East. *Mesopotamia*. 2019;54:121–180.
30. Bossert H. *Altsyrien. Kunst und Handwerk in Cypern, Syrien, Palästina, Transjordanien und Arabien von den Anfängen bis zum völligen Aufgehen in der griechisch-römischen Kultur*. Tübingen: Verlag Ersnt Wasmuth; 1951. XVI, 407 S.
31. Schaeffer Cl. F.-A. *Ugaritica III. Sceaux et cylindres hittites, épée gravée du cartouche de Mineptah, tablettes chypro-minoennes et autres découvertes nouvelles de Ras Shamra* (MRS, 8). Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner; 1956. IX, 289 p.
32. Pritchard J. B. *The Ancient Near East in Pictures Relating to the Old Testament*. Princeton: Princeton University Press; 1969. 384 p.
33. Börker-Klähn J. *Alt Vorderasiatische Bildstelen und vergleichbare Felsreliefs* (BaF, 4). Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern; 1982. 288 S.
34. Bryce T. *Letters of the Great Kings of the Ancient Near East. The Royal Correspondence of the Late Bronze Age*. London–New York–Routledge; 2003. IX, 244 p.

35. Klengel H. *Hattuschili und Ramses – ihr langer Weg zum Frieden*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern; 2002. 179 S.

36. Mora C., Giorgieri, M. *Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Ḫattuša* (HANE/M, 7). Padua: S.A.R.G.O.N. Editrice e Libreria; 2004. XII, 270 p.

37. Harrak A. *Assyria and Hanigalbat: A Historical Reconstruction of Bilateral Relations from the Middle of the Fourteenth to the End of the Twelfth Centuries B.C.* (TSO, 4). Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag; 1987. XVIII, 315 p.

38. Shibata D. An Expedition of King Shalmaneser I and Prince Tukultī-Ninurta to Carchemish. In: Y. Heffron, A. Stone, M. Worthington (eds) *At the Dawn of History: Ancient Near Eastern Studies in Honour of J. N. Postgate*. Vol. 1. Winona Lake: Eisenbrauns; 2017, pp. 491–506.

39. Wiggermann F. A. M. The Seal of Ili-padā, Grand Vizier of the Middle Assyrian Empire. In: Taylor P. (ed.) *The Iconography of Cylinder Seals*. London–Turin: Warburg Institute; Nino Aragno editore; 2006, pp. 92–99.

40. Alexandrov B. E. “Kings of a Foreign Land Came Here and Mourned”: Assyria in the Early 12th Century BC in the Light of T 02-32. *Drevniy Vostok i antichnyi mir. (The Ancient East and the Antique World)*. 2018;9:12–34. (In Russ.)

41. Devecchi E. Missing Treaties of the Hittites. *KASKAL. Rivista di storia, ambienti e culture del Vicino Oriente Antico*. 2015;12:155–178.

42. Beckman G. *Hittite Diplomatic Texts* (SBL WAW, 7). Atlanta: Scholars Press; 1996. XX, 206 p.

43. Alexandrov B. E. The Hittite Kingdom and Upper Mesopotamia in the Times of Tudhaliya IV and His Sons (Latter Half of the 13th – Last Decades of the 12th Century BCE): New Sources and Hypotheses. *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. 2010;4:112–132. (in Russ.)

44. Alexandrov B., Sideltsev A. Hittite *āššweni*. *RA*. 2009;103:59–84.

45. Hallo W.W., Younger K. L., Jr. (eds) *The Context of Scripture*. Vol. 1: *Canonical Compositions from the Biblical World*. Leiden–New York–Köln: Brill; 1997. XXVIII, 599 p.

46. Hallo W.W., Younger K. L., Jr. (eds) *The Context of Scripture*. Vol. 3: *Archival Documents from the Biblical World*. Leiden–New York–Köln: Brill; 2002. CVII, 403 p.

47. Wiseman D. *The Alalakh Tablets*. London: The British Institute of Archaeology at Ankara; 1953. IV, 164 p., LVIII pl.

48. von Dassow E. Lists of People from the Alalakh IV Administrative Archives. *UF*. 2002;34:835–211.

49. Niedorf C. Zeeb F. Texte aus Alalakh. In: Lichtenstein M. (Hrsg.) *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. Neue Folge*. Bd. 1: *Texte zum Rechts- und Wirtschaftsleben*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus; 2004, pp. 129–145.

50. Niedorf C. *Die mittelbabylonischen Rechtsurkunden aus Alalakh* (Schicht IV). (AOAT, 352). Münster: Ugarit-Verlag; 2008. XIII, 497 S.

51. Durand J.-M. La fondation d’une lignée royale syrienne. La geste d’Idrimi d’Alalakh. In: Durand J.-M., Römer T., Langlois M. (éds) *Le jeune héros. Recherches sur la formation et la diffusion d’un thème littéraire au Proche-Orient ancien* (OBO, 250). Fribourg–Göttingen: Academic Press Fribourg, Vandenhoeck & Ruprecht; 2011, pp. 94–150.

52. Arnaud D. *Recherches au pays d’Aštata. Emar VI.3–4. Textes sumériens et accadiens*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations; 1986–1987. 494 p.; 400 p.

53. Arnaud D. *Textes syriens de l'âge du bronze récent* (AuOr Supplementa, 1). Barcelona: Editorial Ausa; 1991. 220 p.

54. Arnaud D. Tablettes de genres divers du moyen-Euphrate. *SMEA*. 1992;30:195–245.

55. Tsukimoto A. Sieben spätbronzezeitliche Urkunden aus Syrien. *ASJ*. 1988;10:153–178.

56. Tsukimoto A. Akkadian Tablets in the Hirayama Collection (I). *ASJ*. 1990;12:177–227.

57. Tsukimoto A. Akkadian Tablets in the Hirayama Collection (II). *ASJ*. 1991;13:275–333.

58. Tsukimoto A. Akkadian Tablets in the Hirayama Collection (III). *ASJ*. 1992;14:289–310.

59. Beckman G. *Texts from the Vicinity of Emar in the Collection of Jonathan Rosen*. (HANE/M, II). Padova: Sargon srl; 1996. XIV, 143 p., 97 pl.

60. Westenholz J. G. *Cuneiform Inscriptions in the Collection of the Bible Lands Museum. The Emar Tablets* (CM, 13). Groningen: Styx Publications; 2000. XVII, 193 p.

61. Sigrist M. Gestes symboliques et rituels à Emar. In: Quaegebeur J. (ed.) *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East. Proceedings of the International Conference Organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 17th to the 20th April 1991* (OLA, 55). Leuven: Peeters Press; 1993, pp. 381–410.

62. Neu E. *Althethitische Ritualtexte in Umschrift* (StBoT, 25). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1980. XXIII, 250 S., 2 Tfn.

63. Otten H., Souček V. *Ein althethitisches Ritual für das Königspaar* (StBoT, 8). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1969. 136 S., 5 Tfn.

64. Dardano P. 'La main est coupable', 'le sang deviant abondant': sur quelques expressions avec des noms de parties et d'éléments du corps humain dans la littérature juridico-politique de l'Ancien et du Moyen Royaume Hittite. *Or*. 2002;71:333–392.

Информация об авторе

Александров Борис Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; доцент Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Information about the author

Boris E. Alexandrov – Ph. D. (Hist.), Assistant professor, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Assistant professor, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 июня 2021
Одобрена после рецензирования: 28 июня 2021
Принята к публикации: 17 июля 2021
Опубликована: 29 сентября 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«*Orientalistica*» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: June 16, 2021
Approved after peer reviewing: June 28, 2021
Accepted for publication: July 17, 2021
Published: September 29, 2021

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.